

С. А. Белановский

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ

Выпуск 2

НЕВИДИМЫЙ
КОЛЛЕДЖ

С. А. Белановский

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ

Выпуск 2

**НЕВИДИМЫЙ
КОЛЛЕДЖ**

Москва 2026

УДК 303.62(075)

ББК 60.506я73

Б43

Рецензенты:

ЛЫСЕНКО Олег Владиславович, кандидат социологических наук, доцент. Пермский государственный национальный исследовательский университет, философско-социологический факультет, кафедра культурологии и социально-гуманитарных технологий.

НАЗАРОВ Тимур Зуфарович, кандидат социологических наук, доцент. Уфимский государственный нефтяной технический университет, Институт экосистем бизнеса и креативных индустрий.

Белановский, С. А.

О российской гуманитарной псевдонауке. Выпуск 2 / С. А. Белановский – Москва: 2026.

Данный сборник продолжает тему одноименного Выпуска 1, посвящённого российской гуманитарной псевдонауке. Включены аналитическая статья «Об эмпирически достоверной псевдонауке» и две рецензии на публикации из журнала «Социологические исследования» (№ 12, 2025). На примере академической социологии показано, что формальное соблюдение критериев научности — измеримость, статистическая достоверность, процедуры сбора данных — не гарантирует познавательной ценности результата. Существующие в академической науке институциональные стимулы порождают добросовестную имитацию научной деятельности и деградацию стилистики научных работ. Статистически значимые результаты остаются бессмысленными без связи с реальностью и теоретическим контекстом. Альтернативой предлагается этнографическая социология, основанная на личной мотивированности исследователя и отказе от априорных схем.

ISBN 978-5-5036-3110-2

© Белановский С. А. 2026

© Невидимый колледж

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ОБ ЭМПИРИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ	7
Введение	7
Институт науки и его дисфункции	8
Идеальная псевдонаука	8
Фарисейская добродетель	9
Априорный эмпиризм	10
О фарисейских требованиях к научной стилистике	11
<i>Язык описания</i>	12
<i>Обзор литературы</i>	15
Этнографическая альтернатива	17
Заключение.....	19
ПРИЛОЖЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ НА ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ	21
Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова. Смысловые девиации в молодежной среде:	21
А. В. Каравай. Особенности занятости и парадоксы положения	26

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не становится ли социология мелочной и ничтожной наукой, делающей легкие вещи, потому что здесь возможна точность, и обходящей трудные, так как они неопределенны? Социологические журналы заполняются описательными, а порой и бессмысленными статьями о социологической структуре больницы, влиянии территориальной отдаленности на заключение браков, поведении музыкантов симфонического оркестра во время репетиции и т. п. Социология, лишенная больших идей, смахивает на глухого, бормочущего ответы на вопросы, которых никто не задавал.

(цит. по И.С. Кон. Позитивизм в социологии)

К сожалению, технические принципы проведения исследований сравнительно легко усваиваются, поэтому в положении учителей часто оказываются люди, владеющие методикой, но слабо разбирающиеся в существе дела.

(Ф. Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике)

Данный сборник продолжает тему российской гуманитарной псевдонауки, начатую в предыдущем выпуске №1. В предисловии к нему научные тексты были разделены на «теоретические» и эмпирические, и выдвинута гипотеза, что вторые, вероятно, более осмысленны с точки зрения последовательности изложения, но их результаты могут не иметь смысла из-за отсутствия связи с более широким научным контекстом.

Настоящий сборник включает в себя аналитическую статью «Об эмпирически достоверной псевдонауке», а также две научные рецензии на статьи, опубликованные в журнале «Социологические исследования», авторами которых являются Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова и А. В. Каравай.

В аналитической статье на примере российской академической социологии показано, что формальное соблюдение критериев научности (измеримость, статистическая достоверность, процедуры сбора данных) не гарантирует познавательной ценности результата. Институциональные стимулы, функционирующие в научном сообществе, искажают работу ученого, порождая добросовестную имитацию научной деятельности.

Рецензии подтвердили эту гипотезу с тем уточнением, что в соответствии с академическим стандартом обе статьи включают в себя не только эмпирическую, но и «теоретическую» часть, которая потребовала отдельного рассмотрения.

Анализ «теоретической» части статей подтверждает поразительный вывод, сделанный ранее в отношении работ Г. Татаровой, О. Мельниковой и других авторов: российские академические социологи в своей массе **не умеют создавать структурированные тексты**. Любой осмысленный текст должен иметь структуру, т.е. развивать мысль в определенной последовательности (например, от посылок к выводам).¹ Несоблюдение этого принципа ведет к тому, что фрагменты мыслей соединяются друг с другом ассоциативным способом, перетекая друга в друга без смысловой связи.

Любой псевдонаучный текст (банальный, несамостоятельный или просто ложный) можно, тем не менее, изложить последовательно. Псевдонаучные тексты по уфологии или научному коммунизму, нарушающие базовые принципы научного исследования, тем не менее, написаны логично и пригодны для чтения. Неспособность академических ученых даже к этому характеризуют глубину катастрофы, постигшей российскую гуманитарную культуру.

Отсутствие у авторов гуманитарных работ экзистенциального стремления сообщить читателю какую-то мысль закономерно привела к **деградации стилистики**, т.е. к неспособности упорядочивать собственные тексты. Диагностика этого явления затруднена тем, что отсутствие структуры, а зачастую и отсутствие мысли, воспринимается читателями как научная сложность, которую не хватает сил преодолеть.

Деградация стилистики и композиции в российской академической социологии — это не просто следствие небрежности или недостатка редактуры, а системный признак утраты самой цели научного письма: **передачи мысли читателю**. Когда бессвязность начинает выдаваться за глубину, а смысловая рыхлость — за сложность, научная дисциплина перестает быть наукой даже в самом узком, ремесленном смысле этого слова.

Эмпирическая часть статей, как и предполагалось, содержит множество затрудняющих чтение стилистических и логических нарушений, но, тем не менее, осмысленна, т.к. авторами получены статистически значимые результаты. Однако эта осмысленность ограничивается эмпирической констатацией, не вписанной в теоретический или прикладной контекст. Это говорит о том, что добросовестное соблюдение статистических процедур не гарантирует научной осмысленности работы.

Академическая социология, призванная изучать общество, парадоксальным образом утратила связь с действительностью. Думаю, что пора начать ее восстанавливать.

¹ С времен античности известны три вида последовательностей: повествование, описание, рассуждение. Подробнее см. учебники по литературной стилистике.

О литературной стилистике

Всем, кто прочтет эти строки, для повышения качества своих работ рекомендую изучить два-три учебника по литературной стилистике. Поясняю при этом следующее.

Стилистика – это наука, находящаяся между грамматикой и логикой. Соответственно, учебники по стилистике делятся на те, которые находятся на стыке с грамматикой, и те, что на стыке с логикой. Непревзойденный учебник первого типа – книга К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя «Литературное редактирование», первое издание которой произошло в далеком 1957 г. Она до сих пор является настольной книгой во всех редакциях и издательствах.

Но нас интересуют учебники по стилистике на стыке с логикой. В советское время таких было издано 5 или 6. Их парадокс состоит в том, что все они очень плохо написаны. Поэтому рекомендую обратиться к современным. От конкретных советов воздержусь, т.к. не погружался в тему глубоко. ИИ рекомендует работы Е. Н. Басовской, Е. Г. Борисова и Е. Ю. Гаймбух, И. Б. Голуб и других.

Конкретных советов выскажу два. Первый – учебник А. Мильчина «Методика редактирования текстов». Книга выдержала четыре издания. Как ни странно, рекомендую первое, вышедшее в 1972 г. Всю книгу читать не нужно, прочтите параграфы «Композиция», «Рубрикация», «Язык и стиль». Это блестяще написанные короткие параграфы, которые много дали мне лично.

В последующих изданиях Мильчин все переусложнил и тем самым испортил. Первого издания в интернете нет, но нужные параграфы можно заказать в Российской государственной библиотеке (без проблем и недорого). Возможно, темы композиции и рубрики хорошо изложены и в современных учебниках, но я рекомендую только то, в чем уверен.

Второй совет – дореволюционный учебник логики профессора Г. И. Челпанова, предназначенный для 6 класса гимназий. Выдержал множество переизданий, в том числе недавних. Современные учебники логики толстые и нечитаемые, поэтому небольшая по объему книга Челпанова поразительно контрастирует с ними. Разумеется, я рекомендую изучить ее всю, но целей редактирования особенно важно обратить внимание на параграф «Деление понятий», который следует выучить наизусть. Это поможет структурировать тексты хотя бы с формальной точки зрения.

Желаю всем научиться писать хорошо структурированные и легко читаемые тексты!

ОБ ЭМПИРИЧЕСКИ ДОСТОВЕРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ

(на примере российской академической социологии)

Введение

Настоящая статья посвящена критическому анализу российской академической социологии, а точнее ее эмпирического сегмента, казалось бы, отвечающему строгим критериям научности.

Как будет показано в статье, измеримость и статистическая достоверность полученных данных не страхует социолога от получения искаженных и бессмысленных результатов, не обладающих ни объяснительной силой, ни практической ценностью. Такие исследования, с нашей точки зрения, должны быть причислены не к науке, а к псевдонауке.

Наука, согласно общепринятому определению, — это особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Наука основывается на фактах, логике и экспериментальной проверке, выявляя на этой основе устойчивые эмпирические закономерности. Основными критериями научности в таком понимании являются:

- объективность — наука стремится к знанию, независимому от человека, его чувств и веры. Истина едина для всех;
- эмпирическая проверяемость — научное утверждение можно опытным путем или проверить опровергнуть, предложив эксперимент;
- доказательность — наука опирается на логику, факты и критический анализ, а не на авторитет, интуицию или откровение.²

Псевдонаукой принято назвать системы представлений, имитирующих внешние признаки научности (ссылки, терминология, структура), но не отвечающих названным критериям, например: астрологию, уфологию, научный коммунизм. Однако, по нашему мнению, такое понимание псевдонауки сужает это понятие до явных, грубых методических нарушений, игнорируя возможность того, что внешне респектабельные и статистически достоверные исследования могут быть столь же бессмысленными если не с операциональной, но с познавательной точки зрения.

Задача данной статьи — показать, что формальное соблюдение процедур сбора и обработки информации само по себе не гарантирует научности. Институциональные условия, в которых работает академический социолог, искажают его научные устремления, побуждая создавать не научный продукт, а его имитацию — добросовестную, измеримую, но в конечном счете не имеющую научного смысла.

² Скомпилировано с помощью ИИ из нескольких философских словарей.

Институт науки и его дисфункции

Наука, как и всякий социальный институт, представляет собой устойчивую форму организации совместной деятельности людей, закрепленную в системе формальных и неформальных правил, норм, санкций и стимулов. Молодой ученый, становясь членом этого института, социализируется, т.е. интернализует эти нормы и стимулы.

В институт науки неявно включено понимание того, что такое наука и что такое научный результат. Познавательная ценность научного продукта оценивается по тому, насколько он соответствует институционально закрепленным шаблонам.

Ошибочная трактовка научного результата ориентирует работу ученого в неправильном направлении. Искаженное понимание природы науки, заложенное в институт на операциональном уровне, задает исследователю систему координат, в которой цели, методы и критерии оценки его работы смещаются с подлинного познания на второстепенные или ложные ориентиры.

Главным стимулом работы ученого является доступ к научной карьере, а сама карьера регулируется институциональными нормами оценки результатов. Исследователь неизбежно подстраивает свою деятельность под логику воспроизводства одобряемых образцов. Действуя рационально в рамках заданных стимулов, ученый начинает производить продукты, которые максимизируют его карьерные шансы.

В результате ошибка, имплицитно встроенная в понятие науки на уровне института, превращается в самовоспроизводящийся механизм: она направляет энергию и талант исследователей в русло, где карьерный успех и подлинное познание расходятся. Разрыв между институциональным успехом и эпистемической аутентичностью становится нормой, а попытки его преодолеть требуют пересмотра не отдельных правил, а самих оснований, на которых неявно базируется институт.

Человек несовершенен, и несовершенны создаваемые им институты. Несомненно, это касается и науки. Но степень несовершенства может быть разной. По нашему мнению, в российской академической социологии разрыв между институциональным успехом и познавательной ценностью достиг максимально возможного уровня.

Идеальная псевдонаука

Существует два вида стимулов, направляющих социализацию молодого ученого по псевдонаучному пути. Во-первых, он встраивается в систему человеческих отношений, сложившихся в научном коллективе. Эти отношения не всегда соответствуют идеальным представлениям о научной добросовестности. Во-вторых, он оказывается встроен в систему институциональных требований к научной работе.

Молодой ученый с самого начала обнаруживает, что доступ к карьере опосредован не только объективными заслугами, но и лояльностью к сложившейся системе отношений. В такой среде формируются кланы и неформальные сети взаимных обязательств — так называемая «научная мафия», контролирующая рецензирование, распределение ресурсов

и карьерные лифты. Участники «мафии» поддерживают друг друга по принципу корпоративной солидарности и круговой поруки. Значимость мафии может намного превосходить влияние формального руководства научным институтом.

Социологическое описание «научной мафии» - чрезвычайно актуальная задача, но из-за недостатка информации этот вопрос не будет предметом нашего рассмотрения. Сосредоточимся на другом. Мысленно исключив из рассмотрения этот аспект и создаваемые им стимулы, мы получим *идеальную псевдонауку*, лишенную личностных факторов, но не превратившуюся от этого в науку подлинную. Формальная система сама по себе, без всякой «мафии», способна направлять ученого по ложному пути.

Фарисейская добродетель

Термин восходит к евангельской критике фарисеев: «Очищаете внешность чаши и блюда, а внутри они полны хищения и неправды» (Мф 23:25). Фарисейская добродетель в науке — это следование внешним, формальным правилам научной деятельности (цитированию, статистическим процедурам, этическим нормам) при равнодушии или даже вреде ее внутреннему смыслу. Это позволяет ученому или институту выглядеть добродетельными, игнорируя при этом саму суть научного познания. Однако «научное открытие не может быть сведено к безличному применению правил».³

Эмпирические работы, выполненные, казалось бы, безупречно с точки зрения методики и техники исполнения, часто оказываются лишенными смысла с точки зрения их содержания. Объективность, проверяемость и доказательность сами по себе не гарантируют осмысленности. Однако при институциональной оценке работы именно они могут выдвигаться на первый план, подменяя собой критерий содержательности результата. «Наука — это не просто знание фактов, а знание того, какое эти факты имеют значение».⁴

Фарисейские требования к ученому, казалось бы, опираются на очевидные нормы научной деятельности, но на самом деле они слабо отрефлексированы и ситуационны в применении. Изучение этих норм могло бы стать предметом эмпирического исследования. Возможностей провести такое исследование у нас нет, но есть некоторые наблюдения, которые будут описаны ниже и которые могут стать основой для дальнейшей работы в этом направлении.

Фарисейские критерии оценки качества научной работы часто являются удобным инструментом, позволяющим научной мафии по своему произволу продвигать или тормозить карьеру ученых, не входящих в ее состав. Всем известно, с какой легкостью пишутся как положительные, так и отрицательные рецензии в соответствии с внешними запросами или личными установками рецензентов. Но и субъективно добросовестные рецензии часто оценивают не научную суть, а соответствие работы принятым в научной среде шаблонам.

³ М. Полани. Личностное знание //

⁴ А. Каплан. Новый мир философии // М.: Республика, 1990.

Априорный эмпиризм

Основной причиной, по которой результат добросовестно выполненных эмпирических исследований может утратить смысл, является наличие в нем двух априорных составляющих. Во-первых, априорным является выбор темы или предмета исследования. Во-вторых, очень часто априорными являются сами методики, на основе которых получается якобы объективный эмпирический результат.

Выбор темы исследования определяется мотивами исследователя, которые могут быть разделены на карьерные и содержательные. Карьерные основаны на оценке «публикабельности» и «диссертатбельности» темы. Первая максимизирует вероятность прохождения статьи через сито рецензирования. Вторая позволяет написать текст, который примут к защите, и успешно ответить на вопросы членов совета. Ученый при любых обстоятельствах вынужден считаться с этими критериями.

Содержательные мотивы у многих ученых редуцируются к карьерным. Источником априорных публикационно-диссертационных тем становятся расхожие представления научной среды, дополняемые продуктами фантазии исследователей.

В каждом научном сообществе есть научная и псевдонаучная составляющие, которые находятся в определенном динамическом равновесии. Их соотношение характеризует качество научной среды. Чем больше удельный вес псевдонауки, тем сильнее эмпирические исследования **утрачивают связь с действительностью** уже на стадии постановки целей (или эта связь становится очень опосредованной).

Создание методик эмпирического исследования опирается на определенный состав переменных, зачастую выбранных априорно, поскольку подлинный состав релевантных характеристик неизвестен исследователю.

В теории выбор переменных должен быть продиктован исключительно природой изучаемого объекта. Однако на практике он чаще обусловлен составом доступных инструментов и типовыми методиками, бытующими в научной среде.

Эффективная методика должна обеспечивать ученому не только запланированную информацию, но и обратную связь по поводу релевантности заложенных в нее переменных. Такой подход способен корректировать методические ошибки, возникающие из априорной постановки темы. Количественные методы, как правило, не создают этой связи. Однако и гайды качественных интервью часто бывают настолько неадекватными, что не позволяют информанту раскрыть тему в своей собственной рамке соотнесения.

Эту проблему поднимал социолог А. Н. Алексеев, проводивший включенное наблюдение на заводе Полиграфмаш, в далекие 80-е годы прошлого века.⁵

- *Современная социологическая практика изобилует вопросниками, которые приносят если не вред, то нулевую информацию ввиду своей неадекватности объекту. На практике респондентам сплошь и рядом предлагают стандартные*

⁵ Алексеев А. Н. Скрытая камера социолога // Знание — сила. 1982. № 3.

клише-стереотипы вопросов и подсказок (вариантов ответов) и получают, естественно, вежливое согласие со всеми этими клише, но отнюдь не социологическую информацию.

- Методические ошибки часто стимулируются слабостью, поверхностностью знакомства с объектом. Участвующее наблюдение, не претендуя на массовость собранного материала, приоткрывает перед исследователем пусть ограниченный участок действительности, но зато такой, «как она есть», и тем самым предостерегает от многих ошибок на последующих этапах.
- Характерная особенность формализованных инструментов состоит в том, что переменные заданы в них заранее, до выхода в поле. Изменение их в ходе исследования, подстройка инструментария невозможна. Исследователь уже не может рассчитывать на то, что респондент в чем-то его «поправит».

Наличие в исследовании двух априорных составляющих – в выборе темы и в разработке инструментария – способно резко снизить ценность полученных результатов, порой полностью лишая их научной осмысленности.

О фарисейских требованиях к научной стилистике

Методология науки обычно рассматривает исследовательский процесс во взаимосвязи триады исследователь-объект-метод, игнорируя при этом существование четвертого члена - Читателя. Между тем, если научную работу никто не прочел, ее можно считать несуществующей.

Читает ли кто-то академические журналы? Если говорить об академической социологии, то полагаю, что нет. Лично я неоднократно пытался их читать, но безуспешно из-за невыносимой скуки. Мое мнение не единично. Вот высказывание социолога Киры Богословской, преподавателя МГУ, экс-руководителя отдела качественных исследований ВГТРК «Телеканал Россия».

- Я не читаю академические журналы. Лет 10 назад просмотрела пару социологических журналов, удивилась степени бессмысленности того, что там написано, с тех пор больше не залезала. Там нет описания реальных социальных процессов и конфликтов.⁶

Могут возразить, что единичные мнения ничего не доказывают. Но кое-то они все-таки доказывают, а именно то, что такая точка зрения **существует**, и какая-то часть (может быть, БОльшая?) исследовательского сообщества ее разделяет. Количественный аспект этого вопроса можно было бы легко измерить, распространив анкету с вопросами: *Читали ли Вы последний номер журнала? Какие статьи Вас заинтересовали?* и т.п. Кроме того, прояснению вопроса могло бы помочь введение учета уникальных посетителей по каждой статье.

⁶ Белановский С.А. Модерация фокус-групп // М.: Невидимый колледж, 2026.

Почему академические журналы публикуют статьи, на которые нет читательского спроса? Очевидно, причина состоит в том, что в академической социологии сформировалась деструктивная научная субкультура, направленная на производство публикаций, а не на производство знания.

Фарисейские требования к рукописям пренебрегают нормами литературной стилистики, основное назначение которых – сделать текст коммуникационно доступным. Однако типовые требования научных журналов (в социологии, экономике и, вероятно, других гуманитарных дисциплинах) работают в противоположном направлении, задавая публикациям трудно читаемый формат. Кроме того, эти требования облегчают создание имитационных псевдонаучных текстов, поскольку отличить их от подлинных становится очень трудно.

В обоснование такой редакционной политики обычно звучит тезис о том, что наука сложна, поэтому и научные тексты должны быть сложными. Это верно, но только отчасти. Результаты научных работ, как правило, узко специализированы. Серьезные научные тексты сложны для понимания, но еще более сложны (точнее, недоступны) для понимания тексты бессмысленные. Последние прочесть просто невозможно (желающие могут попытаться). Существует принципиальная разница между малой, но заинтересованной аудиторией, и полным отсутствием таковой.

Несмотря на сложность, подлинная наука коммуницирует с обществом, находящимся за пределами узкого профессионального сообщества. Если в работе есть смысл, построение коммуникации – решаемая задача. Серьезные ученые гордятся своей способностью разъяснять непосвященным сложные вопросы. Поэтому тезис о неизбежной сложности научных текстов следует считать пиаровским прикрытием их плохой читаемости. Под этим предлогом в научные журналы попадают и тексты, вовсе лишенные смысла, но успешно прошедшие рецензирование. По моему мнению, таких текстов гораздо больше, чем кажется.

Неконструктивный формат публикаций навязывается и осмысленным работам. Под него невозможно подстроиться, не снизив (порой катастрофически) коммуникационную доступность статьи. Это вопрос, чрезвычайно трудный для изучения. Тексты опубликованных работ мало дают для его понимания. Более релевантными являются рецензии, которые я специально накапливал для анализа. Ниже описаны некоторые наблюдения, основанные на личном опыте.

Язык описания

В 1988 году в издательстве «Наука» вышла моя книга «Факторы эффективности инженерно-управленческого труда в промышленности». В ней была глава под названием «Проблема сменяемости производственных руководителей и социальные механизмы регулирования напряженности производственных планов». Эти трудно читаемые формулировки сами по себе многое говорят о литературном стиле, которым написана эта книга.

Мне казалось тогда, и кажется сейчас, что в этой работе есть, чем гордиться. Суть состоит в следующем. При советской системе планирования методом «от достигнутого» напряженность планов росла, а возможности выпуска постепенно исчерпывались. В теории обоснованность плановых заданий должна была определяться экономическими расчетами, однако такая методика за все время существования СССР не была создана.

Из-за отсутствия методики плановая система выработала иной, эффективный, но циничный механизм. Упрощая, он состоял в следующем. Если предприятие начинало не выполнять план, возникал вопрос: происходит по объективным причинам или из-за плохого руководства? Ответ определялся, так сказать, эмпирически. Механизм состоял в следующем: руководителя снимали с должности и подвергали репрессиям, на его место назначали нового, затем еще одного, и после третьего раза приходили к выводу, что резервов действительно больше нет. При Сталине схема с репрессиями реализовывалась буквально. Позднее отношения стали более человеческими, однако в 80-е годы управленческая практика вновь начала ужесточаться, что нашло отражение в росте административной сменяемости руководителей. Исчерпание резервов стало одной из причин политики «перестройки». Таков был мой научный результат, принципиально новый для российской социологии.

Экземпляры книги я роздал коллегам, включая тогдашнего лидера российской социологии В.А. Ядова, но никакой реакции не получил. Недоумевал и был страшно обижен.

Прошли годы, сменился общественный строй, я перешел на работу в другую область, но как-то открыл свою книгу и понял, почему на нее не было и не могло быть откликов. Ее просто невозможно было читать. В этом можно убедиться на примере следующего отрывка.

- *Объекты планирования различаются по степени эластичности по отношению к производственным ресурсам. Те, что характеризуются неэластичным потреблением ресурсов, в дальнейшем будут называться технологическими или объектами неэластичного типа. Прочие объекты будут называться нетехнологическими или объектами эластичного типа. Необходимо учитывать, что один и тот же объект может вести себя как технологический и нетехнологический по отношению к разным видам производственных ресурсов.*

Все поняли смысл написанного?

Интуитивно неприемлемость такой стилистики очевидна, но поставить точный диагноз непросто. Для этого нужна серьезная филологическая квалификация, которой я не обладаю. С позиции моего разумения видно, что понятия объектов «технологического» и «нетехнологического» типа, помимо их очевидного неблагозвучия, нарушают принцип «бритвы Оккама», т.е. они попросту не нужны. Вероятно, это относится и ко всему фрагменту, т.к. изучаемая проблема могла быть описана без него. Налицо очевидная аналитическая избыточность.

Осознав проблему, я изучил несколько учебников по литературной стилистике, абсолютно новой для меня дисциплины. Опираясь на эти знания, я стал вырабатывать новый стиль,

стремясь к легкости и доступности, а также - по возможности - использованию общеупотребительной лексики, сохраняя при этом логику изложения. Важный момент состоял в том, чтобы научиться избегать сложных синтаксических конструкций.

Начиная примерно с 90-го года я сознательно шел к тому, чтобы освоить «легкий», доступный читателю стиль написания научных статей. Отвыкать от прежнего было непросто, на это ушло несколько лет. Главная трудность была в том, чтобы научиться смотреть на текст глазами читателя. Думаю, что малая аудитория научных изданий во многом связана с неудобочитаемостью принятого в них «научного» стиля.

Мое сегодняшнее стилистическое кредо хорошо выразил А. Гольдман, автор учебника по групповому интервьюированию.

- *Хороший отчет лежит где-то на стыке между хорошей наукой и хорошей журналистикой: он должен быть точно структурирован и вместе с тем хорошо написан.*⁷

Однако возникла неожиданная проблема. Выработанный мной «легкий» стиль вызвал непонимание в редакциях научных журналов. Так, рецензент журнала ЭКО в числе других замечаний отметил, что текст написан «слишком легко».

- *Статья написана легко (даже слишком), понятна.*

Рецензент отмечает, что статья понятна, но упрекает автора, что она написана слишком легко! Оказывается, это неправильно! Надо максимально затруднить путь читателя к пониманию статьи! На мой протест редакция сообщила, что я «оскорбил» рецензента и она отказывается со мной сотрудничать. К сожалению, это не единичный эпизод.

Сложность научных статей и используемой в них специальной терминологии должна быть стилистически обоснована. Терминология – это средство передачи мысли, а не повод показать ученость автора. Все, что может быть сказано без использования терминологии, должно быть сказано без нее. Лишь в тех случаях, когда обиходного языка не хватает для выражения мысли, необходимо использовать термины.

Изучая тексты научных статей, я пришел к выводу, что разговорный язык во многих отношениях гораздо лучше приспособлен для описания социальных проблем, чем научно-бюрократический. Причем, низкая коммуникационная доступность «научных» текстов часто маскирует скудость мысли, смысловые и логические нарушения, а то и просто бессмыслицу.

Однако рецензенты научных журналов придерживаются иной точки зрения. Вот фрагменты из отрицательных научных рецензий на мои статьи.

- *Язык статьи – не научный, скорее это язык здравого смысла с «заходами» в популярную психологию («Социологические исследования»).*

⁷ Goldman, Alfred E. and Susan S. McDonald (1987) The group Depth Interview: Principles and Practices Cliffs, NJ: Prentice-Hall

- *Нельзя не отметить, что определение проблем ведется автором практически без использования понятийного аппарата современной науки и современных теорий. Это негативно сказывается на глубине анализа и обоснованности выводов («Социологический журнал»).*

«Легко» написанные тексты воспринимаются рецензентами, как публицистические, непригодные для публикации в научных журналах.

- *Безусловно, проблемы, поднимаемые в статье, имеют социологический характер. Однако сама работа написана скорее в проблемно-публицистическом стиле, чем научном («Социологические исследования»).*

Упрек в публицистичности вызывает два возражения. Во-первых, публицистика отличается от науки не «легкостью» стиля, а назначением. Цель публицистики — не просто сообщить информацию, но и воздействовать на читателя, сформировать общественное мнение, побудить к действию. При отсутствии такой цели работа не является публицистической.

Во-вторых, при таком понимании «публицистикой» может быть названа едва ли не вся социологическая классика, включая работы Э. Дюркгейма, Ч. Кули, У. Томаса и Ф. Знанецкого, работы Чикагской школы. Отход социологии от классической традиции — скорее катастрофа, а не достоинство.

Обзор литературы

В науке каждый следующий результат должен опираться на предыдущий. Новый результат должен дополнять, опровергать или корректировать предшествующий. Иллюстрацией к этому может служить крылатая фраза, приписываемая Исааку Ньютону: «Я стоял на плечах у гигантов». Отсюда вытекает современное редакционное требование: научная статья должна содержать описание истории вопроса и обоснование научной новизны проведенного исследования.

В естественных науках это требование обосновано и соблюдается. В физике, химии, биологии автор нового результата обязан указать, какое именно предшествующее утверждение он дополняет, опровергает или уточняет. Примером может служить следующая дискуссия, взятая из новостных сообщений.

- *Космические аппараты обнаружили в атмосфере Венеры фосфин – вещество, которое на Земле возникает в результате биологических процессов. Отсюда был сделан вывод, что на Венере, возможно, существует биологическая жизнь. Однако затем другие исследователи показали, что данное вещество может образовываться и не-биологическим путем в результате вулканической активности. Число публикаций с аргументами и химическими формулами возрастало, вопрос обрел свою историю. Требование к авторам новых публикаций описать предшествующую дискуссию является вполне разумным.*

В социологии, по крайней мере российской, такая преемственность (кумулятивный прирост знания) возникает редко, если вообще бывает. Де-факто большинство результатов

возникает как бы с нуля при поиске «публикабельной» темы. Однако политес научных редакций не приемлет столь откровенного признания.

По этой причине в социологических публикациях вместо описания предшествующих результатов редакции журналов выдвигают требование предварять статью не историей вопроса, а *обзором литературы*, по тематике приблизительно соответствующей теме. Причем, точное соответствие теме обзораемых публикаций никто не проверяет и даже не считается обязательным. Добавляет абсурда требование многих журналов: список литературы должен включать в себя ее менее 20 позиций.

Такой обзор выполняет иную функцию, нежели в естественных науках. Он служит не для того, чтобы обозначить траекторию приращения знания, а для того, чтобы соблюсти видимость его приращения и продемонстрировать эрудицию автора. Связь с предшествующими работами здесь тематическая, а не проблемная. Примером может служить следующий фрагмент научной рецензии: рецензент говорит обзоре литературы, а не об анализе проблематики!

- *Работа носит скорее публицистический, чем научный характер, а сам автор (С.А. Белановский) не является профессиональным исследователем. В пользу такой оценки свидетельствует отсутствие полноценного обзора исследований («Социологический журнал»).*

Фарисейское требование обзора нерелевантной литературы затрудняет путь читателя к сути дела и придает тексту свойство, именуемое рыхлостью. Вот определение рыхлости, скомпилированное с помощью ИИ из нескольких словарей.

- *Рыхлость текста - стилистический недостаток, при котором текст теряет свою целостность из-за избыточного количества второстепенной, нерелевантной или слабо связанной информации. Основной признак - постоянный уход от основной темы в смежные, но не обязательные области. Нагромождение второстепенных деталей, подробное описание того, что не имеет значения для развития сюжета.*

Приведу два конкретных примера из отрицательных рецензий на мои статьи.

1. В статье «Репрессивный аспект экономического планирования»⁸ был процитирован фрагмент работы В. Волконского о механизме корректировки народнохозяйственных планов. По этому поводу рецензент написал:

- *Отсутствует анализ существующей литературы. Одной только ссылки на В. Волконского совершенно недостаточно. Автор пишет в начале о «распространенных подходах в литературе», но никаких источников не указывает («Экономическая политика»).*

Таким образом, рецензент мотивировал требование об увеличении количества источников не нарушением логики изложения или иными содержательными причинами, а просто недостаточным количеством цитат. По мнению рецензента, источников должно быть

⁸ С.А. Белановский. Макиавеллевская социология // М.: Невидимый колледж, 2025.

намного больше, независимо от стилистической целесообразности увеличения их числа. В итоге статья осталась неопубликованной.

2. В статье «Субкультура люберов»⁹ мной был описан феномен стихийной идеологизации агрессивной молодежной группировки. Во введении было сказано, что молодежные субкультуры делятся на агрессивные и гедонистические, а на эти их качества могут накрадываться политические идеологии (часто экстремистские). Предметом рассмотрения был *процесс идеологизации субкультур*, а не вопрос их систематизации. Тем не менее, рецензент написал:

- *Предлагаемая типология субкультур — агрессивные, гедонистические, идеологические, - относится к теме, хотя и вызывает некоторые вопросы. Но нет доскональной проработки типологии субкультур, хотя дискуссии по этой проблематике давно ведутся («Социологические исследования»).*

Таким образом, рецензент признал, что классификация правомерна и релевантна, но потребовал, чтобы я отвлекся от основной темы и заняться описанием «давно ведущихся» в научной литературе дискуссий по типологии субкультур, а затем, по-видимому, вновь вернулся к люберам, т.е. прервал основную тему ради нерелевантной вставки.

Обязательность включения в текст нерелевантных компиляций влияет на менталитет ученого серьезнее, чем можно предполагать. Разрозненные цитаты, взятые из разных источников, не могут образовывать осмысленного целого. В результате у автора возникает деструктивный навык создания бессвязных текстов, который глубоко встраивается в личность, а со временем превращается в редакционное требование.

Хороший научный текст представляет собой единую смысловую линию, которую не следует разрушать отступлениями. Все второстепенное, сколь бы значимым оно ни было, должно отсекается, иначе текст теряет фокус и энергию. Чем-то при этом приходится жертвовать. К сожалению, рецензенты часто не учитывают это в своих требованиях, настаивая на развитии побочных сюжетов, нарушающих целостность изложения.

Этнографическая альтернатива¹⁰

Благословен тот, кто творит с сокрушенным сердцем.

(Блез Паскаль, знаменитый физик)

Российская академическая социология переживает застой, связанный с ее перерождением в псевдонауку, основанную на критериях публикабельности работ и априорных мотивах выбора тем. Результаты исследований в академических журналах скучны и не затрагивают значимых для общества вопросов.

Вопреки своему назначению, академическая социология не участвует в общественных дискуссиях. В постсоветские годы Россия пережила огромные по масштабу

⁹ С.А. Белановский. Этнографическая социология // М.: Невидимый колледж, 2025.

¹⁰ Подробно о методологии см.: Этнографическая социология // М.: Невидимый колледж, 2025.

институциональные трансформации, но академическая социология не приняла участия в их обсуждении. Ее влияние на общественную повестку было и остается нулевым (в отличие от прикладных направлений). Социология могла бы очень многое сделать для общества, но фактически не делает ничего.

Наука предназначена для изучения действительности, но академическая социология парадоксальным образом утратила с ней связь. Она институализировалась в замкнутых сообществах, создавая закрытые от внешней критики корпоративные сообщества. Внутренних возможностей изменения у них нет. Для преодоления застоя необходима своего рода революция и радикальная смена методологической парадигмы.

Подлинная наука основана на экзистенциальных мотивах, которые псевдонаука неспособна создавать. Трагично, что псевдонаучные субкультуры неправильно социализируют изначально мотивированную молодежь, направляя их карьеру по пути имитации научной деятельности.

Альтернативой академической псевдонауке является этнографическая социология, основанная на непосредственном наблюдении и работе с информантами, выполняющими роль включенных наблюдателей. Такой была социология у своих истоков, к которым она должна вернуться сейчас.

Этнографические исследования находятся в промежутке между прикладными и чисто теоретическими. Они редко имеют заказчика, заинтересованного в получении конкретного результата. Тем не менее, они тесно связаны с практическими проблемами, лучше кого бы то ни было видят их непосредственно и делают знание о них публичным достоянием. Такова уникальная ниша этнографических исследователей. При обсуждении практических проблем на уровне менеджмента они становятся ценными экспертами.

На первом этапе методы этнографических исследователей могут быть исключительно качественными (наблюдения, интервью). Только они способны обеспечить необходимую связь с действительностью. По мере продвижения исследования становится возможен и количественный арсенал. Проблема не в количественных методах как таковых, а в ритуализованном, нерефлексивном их применении.

Этнографическая социология способна решить две основные проблемы, порождающие перерождение науки в псевдонауку: создание экзистенциальной мотивации и отказ от априорного выбора тем.

Создание мотивации. Этнографический социолог не может изучать то, что ему безразлично. Тема исследования выбирается из личного, экзистенциального интереса. Это — один из критериев подлинного ученого.

Личное вовлечение социолога — не каприз, а эпистемический двигатель: только глубокая заинтересованность позволяет выдержать длительную работу в поле, терпеть неопределенность и не сворачивать на проторенные пути. Такая мотивация была у классиков этнографического подхода.

- Уильям Фут Уайт (*Street Corner Society*) жил среди итальянских банд, потому что его заинтриговала разница между легальными структурами и реальными взаимодействиями.
- Диего Гамбетта (*The Sicilian Mafia*) занялся этнографией мафии, потому что его поразил парадокс взаимного доверия среди бандитов.
- Лоис Вайс (*Learning from Strangers*) выбирала темы, связанные с уязвимыми группами, потому что сама пережила потерю.

Классическая этнография (особенно в традиции Чикагской школы) поощряет выбор темы не по принципу публикабельности, а по внутреннему интересу. Она побуждает к рефлексии сильнее, чем любой другой методологический подход. Этнограф выбирает не то, что «модно» или «перспективно», а то, что его по-настоящему волнует, удивляет, тревожит или восхищает.

Преодоление априорности. В этнографическом исследовании изучаемая действительность сопротивляется наложению на нее априорных схем и нерелевантных переменных. В академической социологии тему диктуют журналы, гранты и руководители. В этнографических исследованиях тема выбирается самой реальностью, а не списком требований к диссертации.

Этнографическое исследование часто начинается без явно сформулированных гипотез. Гипотезы возникают из поля и являются результатом полевой работы. Этнограф не придумывает методику «с потолка» — поле постоянно корректирует его представления. Его методология рождается из встречи с реальностью, а не из учебника. Знакомство социологов с «правдой жизни» обеспечивает связь исследований с общественно-значимой повесткой.

Если исследователь не знает, какую тему выбрать, начать следует не с темы, а с поля. Идти следует туда, где ему интересно находиться (кафе, больница, офис, предприятие, двор). Через месяц-два тема сама возникнет из дневниковых записей. Тогда исследователь сможет сказать: «Я выбрал эту тему не потому, что кто-то велел, а потому, что поле заставило меня ее выбрать».

Этнография лучше, чем любой другой подход обеспечивает переучивание молодого ученого, социализированного в псевдонаучной культуре. Она возвращает вкус к реальности и создает иммунитет против соблазнительной формы современной академической болезни — добросовестного производства ненужного знания.

Заключение

Проблема псевдонауки не исчерпывается очевидными случаями астрологии, уфологии или научного коммунизма. Существует еще более опасная, «добросовестная» форма — эмпирически достоверная псевдонаука, трудно отличимая от подлинного научного исследования. Российская академическая социология в своей массе является примером такого превращения.

Формальное соблюдение процедур сбора данных, статистической обработки и публикационных стандартов само по себе не гарантирует исследованию ни познавательной ценности его работы, ни связи с реальностью. Более того, при определенных условиях эти процедуры начинают работать против научного смысла: они поощряют производство не знания, а его имитации.

Результатом становится парадоксальная, но устойчивая ситуация: добросовестно выполненное, статистически достоверное исследование может быть лишено научного смысла. Такие исследования не объясняют, не предсказывают, не влияют на общественную дискуссию и не оставляют следа в кумулятивном развитии знания. Читатели у таких публикаций отсутствуют, общество остается равнодушным, а социология самоустраниется от осмысления актуальных проблем общества.

Выход из этого тупика лежит в смене методологической парадигмы. Этнографическая социология, основанная на личной мотивированности исследователя, длительном контакте с полем и отказе от априорных схем, способна восстановить утраченную связь с реальностью. Она возвращает науке ее экзистенциальную основу — живой интерес к тому, что происходит с людьми и обществом, — и тем самым создает иммунитет против фарисейской добросовестности, на основе которой возникает псевдонаука.

ПРИЛОЖЕНИЕ: РЕЦЕНЗИИ НА ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Применим наши выводы к конкретным публикациям уважаемых исследователей: Юлии Альбертовны Зубок, Нины Анатольевны Селиверстовой и Анастасии Вадимовны Каравай. Анализируемые работы опубликованы в журнале «Социологические исследования» № 12 за 2025 г., последнего выпуска на момент написания данной статьи. Обе выбраны по причине их очевидной эмпиричности, поэтому выбор можно считать случайным.

Обе статьи невыносимо скучно читать. Они не резонируют с мыслями читателя и не затрагивают экзистенциальных мотиваций. Психика сопротивляется чтению, и требуется значительное усилие, чтобы преодолеть это сопротивление. Я не верю, что эти работы кто-нибудь прочитал. Вероятно, их могли просмотреть другие авторы, собирающие цитатный пул для своих публикаций, но не более того. Вряд ли таких людей можно считать полноценными читателями.

Тем не менее, я заставил себя внимательно прочитать обе работы, чтобы понять причины возникновения отторжения. Считаю, что гипотеза об априорных составляющих как источнике исчезновения связи с реальностью подтвердилась, хотя и с некоторыми уточнениями. Представляю результат на суд читателя.

Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова. Смысловые девиации в молодежной среде:

методология и методика исследования

Статья Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстовой относится к числу добросовестных эмпирических работ, научная осмысленность которых вызывает сомнения.

Статья включает в себя «теоретическую» и эмпирическую части. В «теоретической» части авторы выдвигают ключевой тезис о том, что девиация представляет собой механизм позитивного обновления социальной реальности. Такая точка зрения действительно существует в социологической теории, но в контексте статьи вызывает двоякого рода возражения. Во-первых, этот тезис не был полноценно раскрыт. Он многократно воспроизводится в разных формулировках без углубления и операционализации. Во-вторых, названный тезис противоречит эмпирической части работы, которая трактует девиации, как деструктивные и архаичные проявления аномии.

Эмпирическая часть основана на априорно заданном перечне смысловых девиаций, составленном исследователями без предварительного обращения к первичной социальной реальности (в форме наблюдения или интервью). На основе этого списка было установлено, что смысловым девиациям в данной операциональной трактовке наиболее подвержены представители крайних точек доходной шкалы: «бедные» и «богатые». Эмпирически этот вывод вполне достоверен, но неясен его смысл в более широком научном контексте, поскольку он относится к разным морально-нормативным комплексам, функционирующим

в столь разных социальных средах. Различия между ними видны даже исходя из тех данных, которые приведены в статье. Этот вывод ничем не помогает исследователям, занимающимся изучением соответствующих социальных сред.

Целью (и одновременно гипотезой) изучения статьи Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстовой было стремление выявить предполагаемое наличие в этой работе неотрефлексированных априорных составляющих, оказывающих влияние на итоговые результаты и выводы. Данная гипотеза подтвердилась лишь отчасти: статья делится на две отчетливо различимые части, первую из которых можно считать «теоретической», а вторую эмпирической. Выводы по этим частям будут разные.

Под теоретической частью мы понимаем первый параграф статьи «Феномен смысловых девиаций: сущностные характеристики и генезис», в котором рассматривается роль таких девиаций в социокультурном контексте. Эта часть не является эмпирической, поэтому к ней применимы выводы более ранней наших работы.¹¹

Анализируемая «теоретическая» часть вызывает двоякого рода возражения.

Во-первых, смысловая последовательность мыслей подменена ассоциативной. Мысль авторов движется не линейно, а по кругу, фактически повторяя один и тот же тезис без поступательного развития аргументации.

Уже в первом абзаце задается основная идея о том, что что девиации играют функциональную роль в изменении социокультурных моделей.

- *Возникновение [девиаций] связано с противоречием в самом механизме общественного воспроизводства между преемственностью социокультурных образцов и их обновлением.*

Далее эта мысль многократно воспроизводится в несколько иных формулировках, но практически без изменения смысла.

- *Девиации молодежи ... предполагают обновление социального и культурного опыта, реализуемого на основе инноваций как особого вида девиаций.*
- *Нормативные смыслы ... отвечают за ... стабилизацию и самосохранение, в то время как отклоняющиеся обеспечивают изменения.*

Затем следует описание девиации как двигателя перестройки реальности.

- *Пересборка социальной реальности и выработка новых норм происходит посредством отклонений от социокультурных образцов, некогда выступавших нормативными.*

Далее на стр. 5 - практически дословное повторение исходной мысли.

¹¹ С.А. Белановский. О создании бессмысленных псевдонаучных текстов // О российской гуманитарной псевдонауке. М.: Невидимый колледж, 2025.

- *Выработка новых смысловых оснований реальности происходит через отрицание прежних, т. е. все ту же девиацию.*

И замыкающее круг финальное утверждение, которое пересказывает ранее сказанное.

- *Нормализация новой нормы-девиации обеспечивается мерой ее соответствия меняющимся потребностям и социальным ожиданиям молодежи.*

Между этими повторами нет движения от посылок к выводам (например, от причин возникновения девиаций к конкретным механизмам их закрепления). Вместо этого текст возвращается к одному и тому же утверждению — «девиации необходимы для обновления социальной реальности» — каждый раз в новой стилистической упаковке, но без углубления или операционализации понятия. Это создает эффект ассоциативного кружения, но не последовательного движения мысли о предмете исследования. Отсутствуют выводы, значимые для последующей эмпирической части.

Во-вторых, описанное в «теоретическом» параграфе понимание девиации не соответствует пониманию этого понятия во второй, эмпирической части.

Смысл приведенных выше цитат говорит о том, что, с точки зрения авторов, новый социальный порядок, так сказать, «прогрессивен» по отношению к прежнему, т.е. лучше соответствует условиям меняющегося мира и способности адаптации к нему.

Примером могут служить китайские компрадоры, распространявшие девиации в отношении традиционного китайского порядка, но одновременно способствовавшие усвоению нового, основанного на западной системе норм. Компрадоров много критиковали, но именно они создали предпосылки для будущего технологического развития Китая.

Трактовка девиации, описывающая ее как механизм позитивной адаптации, существует. На ней основано много классических работ (Э Дюркгейм, Р. Мертон, Н. Элиас, современный автор Э. Роджерс и др.) Странно, что авторы статьи - Зубок и Селиверстова - не апеллируют к ним и не ссылаются на них.

Главное, однако, состоит в том, что «теоретическая» часть статьи говорит о функциональной трактовке девиации, трактуя ее как пересборку, обновление, адаптацию к изменениям, а эмпирическая ее часть операционализирует это понятие как исключительно регрессивные, архаичные и аномичные проявления социального разложения (хайп, коррупция, обман государства, неуважение к старшим и проч.). То, что теоретически объявлено двигателем обновления, на практике определяется как набор социально неодобряемых и деструктивных явлений.

Это делает результат работы внутренне противоречивым: авторы не объясняют, почему изучаемые ими девиации ведут не к «пересборке» реальности, а к деградации социального порядка (например, до уровня враждующих агрессивных банд, как это показано в фильме «Слово пацана»).

Сочетание обоих возражений, а именно подмены смысловой последовательности ассоциативным кружением «теоретической» мысли, и несоответствием этой мысли

последующей эмпирической операционализации, приводят нас к выводу, что «теоретическая» часть лишена реального смысла и написана только для того, чтобы формат публикации соответствовал академическому стандарту, и заполнить объем статьи.

Эмпирическая часть статьи включает в себя описание методики, результатов и выводов. С нашей точки зрения они могут быть охарактеризованы, как добросовестное эмпирическое исследование, выполненное в стандартах российской академической социологии с честными, но мало значимыми результатами.

Статья анализирует результаты двух волн количественного опроса, в которых респондентам предлагалось выразить отношение к списку смысловых девиаций, состоящий из 21 позиции. Основную часть статьи представляет анализ результатов в разрезе социально-демографических групп: пол, возраст, образование, тип поселения.

Не вдаваясь в подробности этого анализа, перейдем сразу к выводам, которые делают авторы исследования. Наиболее существенный состоит в том, что наибольшее число смысловых девиаций приходится на крайние точки доходной шкалы.

- *Уровень материального благополучия значимо дифференцируя молодежь в поддержке смысловых девиаций (СД). Крайняя малообеспеченность и доступ к роскоши создают условия для эскалации смысловых девиаций. ... Как самое проблемное, несущее риски формирования и воспроизводства смысловых девиаций, выделяется социокультурное пространство малых городов.*

Смысловые девиации — это не самостоятельное социальное явление, а атрибутивная характеристика определенной социальной среды. Применительно к разным социальным средам они могут быть индикаторами разных социальных явлений. Авторы не учитывают этого различия, поэтому их вывод, что и «бедные», и «богатые» одинаково склонны к девиациям является некорректным, т.к. за высокой поддержкой СД стоят разные социальные миры.

В нижней части доходной шкалы находятся не просто малообеспеченные слои населения, но криминализованные субкультуры депрессивных территорий, особенно малых городов, со своей специфичной системой ценностей. Изучением таких субкультур занималась Чикагская школа, очень много сделавшая для их понимания. Подобные исследования проводятся и в современной России.

Что касается верхней части доходной шкалы, то возникает предположение, что повышенная смысловая девиация характеризует свойственный российской элите цинизм. На быденном уровне общеизвестно, что словесная поддержка патриотических ценностей сочетается в ней с тем, что дети крупных чиновников и олигархов учатся и живут в странах недружественного Запада. Многие бывшие высокие чиновники также релоцировались на Запад (Ольга Голодец, Виктор Христенко, Илья Клебанов, Александр Хлопонин и множество других).

Таким образом, ставить знак равенства между смысловыми девиациями «бедных» и «богатых» абсолютно неправомерно.

Различия в ценностях названных социальных миров должны были найти отражение в эмпирических результатах. Они и нашли это отражение, несмотря на априорный и произвольный характер заложенных в методику смысловых девиаций. Удивительно только, что авторы статьи сами не составили сравнительную таблицу.

Таблица 1. Сравнение распространенности смысловых девиаций на крайних полюсах доходной шкалы

Смысловая девиация	Бедные, %	Богатые, %	Разница
Закон надо уметь обходить	43	29	- 14
Обмануть государство – не грех	42	25	- 17
Кто сильнее, тот и прав	39	21	- 18
Покупка диплома – норма	34	15	- 19
Учитель не может требовать уважения	33	11	- 22
Неудачник не заслуживает сочувствия	31	21	- 10
Пранк – хороший способ повеселиться	40	54	+ 14
Хайп – главное в сети	45	54	+ 9
Коррупция приемлема	20	29	+ 9

Источник: составлено с помощью ИИ на основе содержащихся в статье данных.

Сравнение показывает, что содержание смысловых девиаций и стоящих за ними систем ценностей у «бедных» и «богатых» существенно различаются. Содержательный анализ этих различий не входит в задачу рецензента.

Априорный состав девиаций не помешал авторам получить, казалось бы, содержательный результат о концентрации девиаций на крайних точках доходной шкалы, однако при попытке углубления анализа список девиаций сделался очевидно нерелевантным. Таблица показывает, что структурная аномия названных групп существенно различается.

Если бы список девиаций был составлен не из головы исследователей, а на основе наблюдений, интервью или иных эмпирических данных, полученная картина была бы не только более детальной, но и качественно иной: она позволила бы не просто констатировать формальное равенство «бедных» и «богатых» по степени их девиантности

(весьма сомнительный тезис), но и выявить реально функционирующие в разных социальных средах морально-нормативные комплексы.

Таким образом, эмпирическая часть анализируемой статьи подтвердила наш тезис о том, что формально добросовестные работы такого типа могут утрачивать смысл из-за наличия в них двух априорных составляющих.

Априорный выбор темы, выбранной скорее из соображений публикабельности, чем экзистенциального интереса к какой-либо реальной проблеме, привел к тому, что предметом исследования сделались смысловые девиации – не самостоятельные явления, а индикаторы характеристик морально-нормативных комплексов, существующих в разных социальных средах. В статье не ставится вопрос об изучении этих комплексов, эмпирический результат признан самодостаточным.

Априорно выбранные переменные (девиации), привели к выводу об их концентрации на крайних точках доходной шкалы. Однако этот результат обусловлен включенным в методику списком девиаций. Такой вывод может быть назван осмысленным лишь в узко эмпирическом, но не в научно-познавательном смысле этого слова. Он ничем не помогает исследователям соответствующих социальных сред – криминализированных субкультур и молодежного сегмента элит. Вывод о тождестве их девиантных установок противоречит даже полученным в исследовании данным.

***А. В. Каравай. Особенности занятости и парадоксы положения
в социальной иерархии российских работников***

Анализируемый текст содержит два существенных недостатка, лишающих его научного значения.

Во-первых, статья страдает композиционной рыхлостью: текст слабо структурирован, логические переходы отсутствуют или немаркированы, ключевые методологические решения прописаны хаотично, поэтому читатель вынужден мысленно их реконструировать. В «теоретической» части работы фрагменты различных дискурсов соединены без необходимых связей. Это существенно затрудняет понимание смысла работы (вплоть до полной невозможности следовать за мыслью автора).

Во-вторых, анализируемая статья представляет собой пример работы, эмпирически достоверной, но лишенной научной значимости. Полученный результат является лишь статистической констатацией, к тому же идущей вразрез с изначальными предположениями. Отсутствует более широкая (теоретическая или прикладная) рамка соотнесения, благодаря которой проделанная работа могла бы обрести научный смысл.

Предлагаемая рецензия подробно обосновывает оба тезиса.

Статья А. В. Каравай посвящена изучению влияния условий занятости на социальный статус работников. В начале статьи целью исследования названо:

- *...изучение взаимосвязи различных характеристик занятости россиян с их положением в социальной иерархии, построенной на различных моделях стратификации.*

Статья включает в себя «теоретическую» и эмпирическую части.

«Теоретическая» часть работы начинается с параграфа «Теоретические предпосылки исследования». Рассматриваемый параграф делится на два хорошо различимых фрагмента, первый из которых более или менее соответствует названию, а второй описывает методику. Остановимся на первом.

В соответствии с заявленной целью автор начинает этот параграф с рассмотрения различных теоретических моделей стратификации. Первой в их числе назван неомарксизм.

- *Так, сторонники неомарксизма подчеркивают роль трудовых отношений, контроля над производством и трудом в формировании классовой структуры.*

В качестве представителя этого направления назван теоретик Э. О. Райт, который:

- *...в числе критериев места в социальной иерархии рассматривал и автономность труда – возможность распоряжаться собственным рабочим временем, выбирать порядок решения производственных задач.*

Затем, без пояснений и даже без перехода к другому абзацу, автор упоминает М. Вебера.

- *В то же время М. Вебер акцентировал внимание не только на экономическом положении, но также на статусе (престиж, уважение, общественное признание) и власти.*

Ссылка на Вебера в этом контексте вызывает ряд возражений. Во-первых, его вряд ли можно назвать неомарксистом, поэтому его упоминание в одном ряду с Райтом нельзя считать корректным.

Во-вторых, читателю непонятно сделанное автором противопоставление: возможность распоряжаться рабочим временем у Райта не является антитезой престижу, уважению, общественному признанию и власти у Вебера. Если здесь заложена какая-то мысль, ее следовало выразить яснее.

В-третьих, ссылка на Вебера нерелевантна, поскольку названные им характеристики статуса – престиж, уважение, общественное признание и власть – не имеют отношения к теме статьи и в дальнейшем не упоминаются (особенно это касается власти).

Понятие статуса операционализировано автором совершенно иначе, чем у Вебера, а именно по критерию материальной обеспеченности:

- *как модель субъективной стратификации на основании самооценок респондентами своего места на социальной лестнице между нищими (1-я ступень) и богатыми (9-я ступень).*

Закончив с упоминанием концепций Райта и Вебера, автор полностью отказывается от дальнейшего перечисления теоретических моделей, и упоминает лишь теорию человеческого капитала, которая не является стратификационной концепцией. Анализ *теоретических моделей*, несмотря на явную его неполноту, на этом заканчивается.

Не обозначив смену темы с помощью абзаца или иного маркера, автор переходит к описанию эмпирических классификаций различных видов занятости, рядопологая их теоретическим моделям.

Переходя к этим классификациям, автор, очевидно, хотел позиционировать собственную работу среди аналогов. Для решения этой задачи он дает обзор литературы, включающий в себя 19 источников. Читать его невыносимо трудно из-за отсутствия связного изложения мысли.

Так, в начале обзора автор сообщает, что «во многих исследованиях используется схема Эриксона – Голдторпа – Портокареро, которая основывается на различиях в трудовых позициях и профессиональном статусе», не объясняя суть этой работы и не раскрывая вопрос, как это соотносится с темой статьи. Таким способом автор демонстрирует свою эрудицию, но не сообщает читателю ничего значимого.

Далее, со ссылкой на работу МакКиннона и Лангфорда, автор пишет о связке между профессиональными позициями работника и его положением в социальной структуре, вновь не давая объяснений и не сообщая подробностей. Читатель опять получает нулевую информацию.

Лишь после этого автор переходит к делу и вводит понятие *качества занятости*, которое, как становится ясно из дальнейшего, является основным.

- *Критерии качества могут быть разными, но так или иначе связанными с уязвимым положением работников не только на рынке труда, но и в социальной структуре в целом. Так, широко исследуется нестабильная (прекарная) занятость, объединяющая не просто работников с определенными характеристиками, но и находящихся в условиях постоянной незащищенности и неуверенности в завтрашнем дне.*

Сама по себе эта мысль не вызывает возражений, но читатель ждет, что автор, назвав одну характеристику качества, перечислит и другие, поскольку «критерии качества могут быть разными». К сожалению, упорядоченный список таких критериев в статье отсутствует. Лишь ниже, с большим отрывом, автор пишет.

- *Важными параметрами благополучности занятости будут уровень заработной платы, защита основных трудовых прав, степен автономности этой занятости и т.п.*

Термин «качество занятости» в этом отрывке преобразовался в «благополучность занятости». Можно предположить, что это синонимы, но пояснения на этот счет в тексте нет.

Список критериев, помимо прекарности, увеличился еще на три позиции с добавлением к нему расширения «и т.п.». Последнее означает, что количество наименований в нем может быть увеличено до произвольного числа. Не названы критерии включения и не-включения в список новых характеристик.

К примеру, в данном фрагменте не сказано, входит ли в понятие «благополучности занятости» едва ли не самый важный блок характеристик - *условия труда*, включающие в себя физические нагрузки, факторы вредности, грязь и многое другое. В тексте статьи эти параметры не упоминаются ни разу, т.е. де-факто они исключены из рассмотрения. Мотивировка исключения в тексте отсутствует.

В конечном счете автор ограничивает предмет своего рассмотрения тремя следующими параметрами.

- *Чаще всего, но не всегда, признаками неблагоприятных условий занятости являются: отсутствие официального оформления, неполный рабочий день и непостоянный ее характер.*

Интересно, что ниже, на операциональном уровне, автор увеличивает число признаков неблагоприятия до четырех, дополнительно включив в него продолжительность рабочего дня (неполную или сверхнормативную), но нигде специально это не оговаривает.

Таким образом, «теоретическая» часть работы не решает явно не прописанную, но де-факто поставленную задачу позиционирования работы в сравнении с аналогами. Ссылки на теоретические модели Райта и Вебера в этом контексте не имеют отношения к делу. Ссылки на эмпирические классификации, может быть, релевантны, но у читателя нет возможности об этом судить.

Мысль автора движется не от тезиса к аргументу, а напоминает набросок, где фрагменты разных тезисов склеены без смысловых связей. Перечень критериев «качества» или «благополучности» занятости оставляет ощущение произвольности. В итоге приходится сделать вывод, что автор не справился ни с композицией текста, ни с определением места собственной работы в ряду других исследований.

Эмпирическая часть работы. Анализ этой части статьи затруднен плохой структурированностью текста и стилистической небрежностью. Вновь приходится констатировать, что по этой причине текст невыносимо трудно читать.

Стилистическую небрежность можно проиллюстрировать следующим примером. В тексте (контекст неважен) имеется следующая фраза.

- *Для данного исследования были взяты три принципиально разные схемы.*

С точки зрения литературной стилистики использование такой фразы уместно и необходимо. Она придает тексту структуру и помогает читателю следовать за перечислением. Действительно, вслед за этой фразой в тексте указаны «первая схема» и «вторая схема», но третьей почему-то нет. Затратив какое-то время на осмысление, читатель вместо слов «третья схема» обнаруживает следующий фрагмент.

- *Наряду с объективной социальной стратификацией исследователи все чаще обращают внимание и на социальную иерархию, основанную на субъективных оценках индивидами своего положения в обществе.*

Увидев эту фразу и затратив определенные усилия на ее идентификацию, читатель приходит к выводу, что речь в данном случае идет именно о третьей схеме, которая, однако, не выделена структурно. Обращает на себя внимание, что ни рецензенты, ни редактор не выявили этот очевидный и весьма существенный стилистический недостаток.

Плохо структурированный текст есть выражение плохой структурированности мышления автора. Возникает вопрос, имеет ли смысл анализировать такой текст по логическим критериям, которым он заведомо не удовлетворяет?

Тем не менее, продолжим. Представляется, что главная мысль статьи высказана в нижеследующей вскользь упомянутой формулировке:

- *... [о связи] между профессиональными позициями и положением в социальной структуре.*

Исходя из дальнейшего можно предположить, что эту фразу следует трактовать, как гипотезу исследования, которую правильно следовало бы выразить так: социальный статус работника зависит от благополучности его занятости.

Учитывая специфику понимания автором понятий «статус» и «благополучие», на операциональном уровне система гипотез должна была быть сформулирована следующим образом: субъективная оценка места работника в доходной иерархии коррелирует со следующими четырьмя характеристиками: статус занятости (по найму или нет), защищенность занятости, временной характер занятости, продолжительность рабочего дня.

Эти гипотезы были вполне корректно проверены автором статьи на эмпирических массивах, но в целом не подтвердились. Лишь в отношении статуса занятости была обнаружена предполагаемая корреляция.

- *Отсутствие официального оформления контракта является наиболее устойчивым и предсказуемым индикатором низких социальных позиций по всем рассматриваемым стратификационным моделям.*

В отношении других признаков неблагополучия корреляция не была обнаружена. Автор пишет:

- *Проведенный анализ показал, что привычно ассоциируемые с прекарностью характеристики занятости не всегда связаны с уязвимостью социального положения таких работников.*
- *Группа с неполной занятостью оказалась в значительной степени неоднородной и рассогласованной в позициях в разных моделях стратификации: для них высоки риски депривации в ряде сфер, но в других они могут иметь расширенные возможности и проживать в домохозяйствах с высокими среднедушевыми доходами.*

- *Наиболее критическое рассогласование наблюдается у сверхзанятых. Несмотря на объективные риски в сфере накопления и сохранения человеческого капитала, их доходная ситуация выглядит лучше средней.*

Подводя итог, автор делает вывод:

- *В целом мы можем констатировать, что верхи массовых слоев населения могут иметь самые разнообразные формы занятости, включая те из них, которые традиционно принято считать неблагополучными.*

Таким образом, априорно (по факту наличия в базах данных) выбранные индикаторы неблагополучия оказались релевантными лишь отчасти, поскольку под них подпадают и значительные по численности сегменты благополучных занятых. К примеру, к категории сверхзанятых относятся не только работники, которых в нарушение трудовых прав принуждают перерабатывать, но также многие самозанятые, предприниматели и производственные руководители, которые делают это вполне добровольно. С другой стороны, важные характеристики неблагополучия оказались за рамками рассмотрения (например, плохие условия труда). Фокус рассмотрения оказался смещен относительно поставленной задачи.

Полученный результат эмпирически верен, но не значим в более широком контексте. Рассматриваемое исследование не вносит ясности в вопрос о том, как устроена социальная стратификация в современной России. Этот вопрос так и остался непознанным.

Замечание, выходящее за рамки рецензии. Автор классического исследования стратификации У. Уорнер разработал формализованную методику измерения социального статуса, но начал он с включенного наблюдения, которое обеспечило его работе связь с действительностью. К сожалению, в России традиция проведения таких исследований не сложилась. Не нашлось социологов, которые описали бы социальную структуру российского малого города (по аналогии с Янки-Сити). Такая работа послужила бы реальной основой для дальнейших исследований социальной стратификации. Но для проведения этой работы нужен экзистенциальный мотив, который, к сожалению, сегодня в большом дефиците.

Белановский Сергей Александрович

О РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСЕВДОНАУКЕ.

Выпуск 2

E-mail: sbelan@yandex.ru
https://t.me/Sbelan_52

СООБЩЕСТВО «НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ»

Уважаемые коллеги!

Этим письмом я сообщаю о своем намерении организовать сообщество ученых, желающих расширить свои коммуникационные возможности. В нашем сообществе что-то не так с научной коммуникацией. Приведу следующие примеры.

В начале 90-х годов я организовал перевод и малотиражное издание классической работы Р. Мертона и соавторов «Фокусированное интервью», а также разместил ее на своей странице Academia.edu. Позднее ВЦИОМ с моей подачи осуществил полноценное общедоступное издание этой книги. После этого я хотел удалить ее со своего сайта, но с удивлением обнаружил, что ее продолжают скачивать, т.е. информация о новом издании мало до кого дошла.

Аналогично в 90-е годы я опубликовал свои методические монографии, которые позднее объединил под общим названием «Глубокое интервью и фокус-группы». Эти работы были опубликованы трижды в 2001, 2019 и 2022 гг., но я до сих пор встречаю ссылки на издания 90-х годов. Меня это сильно огорчает, поскольку более поздние издания были существенно доработаны.

Большие проблемы связаны и с журнальными публикациями. Научные журналы в доступной мне области наблюдения утратили коммуникативную функцию. По моему мнению, их попросту никто не читает. Это связано с тем, что большинство публикаций, может быть, добросовестны, но не интересны. Почему они не интересны – вопрос отдельный, но факт состоит в том, что интересные работы тонут в этом массиве. Зачастую они и вовсе не попадают на страницы научных журналов. Работы, размещенные авторами в интернете, тоже плохо доходят до целевой аудитории. «Вирусные» научные публикации, распространяемые по сетям неформальных коммуникаций, очень редки.

Современные гуманитарные ученые делятся на два типа. Для первых важны публикации в журналах из списка ВАК, для вторых – чтобы их работы кто-то прочитал. Первые, с моей точки зрения, численно преобладают. Не хочу сказать о них ничего плохого, просто фиксирую эмпирический факт. Что касается вторых, то это люди, сохранившие научное любопытство, любящие прочесть «что-нибудь интересное». К сожалению, российские научные журналы плохо помогают им в этом.

Для исправления ситуации предлагаю создать сообщество «Невидимый колледж». Этот термин создан социологами для обозначения сетей неформальных коммуникаций между учеными. Конкретно я собираюсь создать базу данных электронных адресов, по которым можно будет рассылать работы коллегам. Речь идет как о неопубликованных, так и об опубликованных работах, поскольку публикация не гарантирует, что работу кто-то увидит и прочтет.

На первом этапе я предполагаю создать список коллег, с которыми я в той или иной мере лично знаком и которые, как мне кажется, не утратили научного любопытства. Поначалу предполагаю рассылать свои собственные работы, коих за мою долгую жизнь накопилось довольно много. В перспективе, если дело пойдет успешно, приглашаю и других авторов.

Включать в рассылку буду не все свои работы, а только те, которые, как мне кажется, интересно читать. Более того, по возможности убегу из текстов занудство, мешающее чтению. Это в первую очередь касается именно опубликованных работ, поскольку российские научные издания навязывают авторам неконструктивный формат, препятствующий чтению и порой делающий его невозможным. К сожалению, этот формат глубоко укоренился и стал привычным. Многие считают его естественным, но это ошибка. В скором времени я напишу об этом подробнее, а пока призываю: коллеги, смотрите на свои тексты глазами читателя! Прочтите заново свои работы и уберите все лишнее! Следите за стилистикой, не используйте тяжелый «научный» язык!

Работы, предназначенные для рассылки, я буду параллельно размещать в библиотеке eLibrary, что фактически станет публикацией. Сегодня для публикации уже не нужны бумажные издания и тиражи. Эпоха бумаги закончилась. Размещения в авторитетной библиотеке вполне достаточно. По правилам библиотеки инициативная работа может быть включена в фонд при наличии двух рецензентов с ученой степенью и включенных в базу данных РИНЦ. Этим могут пользоваться все. Возможно, помимо eLibrary, следует найти и другие места размещения, либо создать новые. Предлагаю это обсудить.

Но главным инструментом продвижения я считаю персональную рассылку. Всех, кто получит это письмо, прошу переслать его коллегам, которым оно может быть интересно (копию прошу мне). В качестве первого шага я разошлю последнюю версию монографии «Глубокое интервью и фокус-группы», следующим будет «Этнографическая социология». Далее пока не определил.

Надеюсь, моя инициатива будет поддержана.

Всем удачи!

sbelan@yandex.ru; <https://t.me/Sbelan> 52

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕВИДИМЫЙ КОЛЛЕДЖ»

готовит к публикации книги

С. А. Белановского:

Глубокое интервью и фокус-группы

Этнографическая социология

Макиавеллевская социология

Модерация фокус-групп

О российской гуманитарной псевдонауке

Школа: взгляд изнутри

Дедовщина в советской армии

Производственные интервью советской эпохи

Все публикации «Невидимого колледжа»

являются публичным достоянием